
Модели коллективного поведения в России: прошлое (300 лет) и будущее

Я.М. МИРКИН*

***Яков Моисеевич Миркин** – доктор экономических наук, профессор, Москва, Россия, yakov.mirkin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2507-9811>

Цитирование: Миркин Я.М. (2023) Модели коллективного поведения в России: прошлое (300 лет) и будущее // Мир России. Т. 32. № 4. С. 36–55. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-4-36-55

Аннотация

В статье проведен сравнительный (эскизный) анализ моделей коллективного поведения (англосаксонской, континентальной, российской). Демонстрируются особенности российской модели поведения и ответы, которые давало общество под стрессами, вызванными сверхконцентрацией власти в рамках психологической триады «Беги, замри, сражайся»; раскрывается рациональность коллективного поведения в России (XVIII–XX вв.). Также приведены доказательства возможностей изменения модели коллективного поведения при обновлении целеполагания и проведения реформ «сверху»; предложен сценарный прогноз моделей поведения/общества/экономики на горизонте в 10–15 лет. Помимо этого, обоснована перспективная модель («континентальная», «социальная рыночная») на более отдаленных временных горизонтах, целью которой являются увеличение ожидаемой продолжительности жизни (до 80+) и качества жизни в России, технологическая модернизация, сверхбыстрый рост экономики. Количественным базисом исследования стали международная база социологических данных “World Values Survey” и данные социологических опросов по России.

Ключевые слова: англосаксонская модель, варианты азиатского капитализма, Всемирный обзор ценностей, европейская континентальная модель, иранская модель, коллективное поведение, командная экономика, мобилизационная экономика, сверхконцентрация власти, Россия, социальная рыночная экономика, социология, будущее общество

Введение

В последние 30 лет появилось большое количество исследований, посвященных «национальным ценностям», национальному характеру/менталитету, коллективному поведению нации/народа, «культурному коду», «цивилизациям» и религиям как основе обществ и экономик (протестантский дух капитализма, исламская экономика) и базирующимся на них моделям обществ/экономик (англосаксонская, континентальная, скандинавская, азиатская, латиноамериканская модели, «капитализм стейкхолдеров» против «капитализма акционеров» и т.п.). В частности, это работы Р. До [Dore 2000], Г. Эспин-Андерсена [Esping-Andersen 1990; Esping-Andersen 1997], П. Холла и Д. Соскице [Hall, Soskice 2001], А. Сапира [Sapir 2005], К. Шваба и П. Ванхама [Schwab, Vanham 2021] и многих других.

Можно играть сотнями определений, переходить от одного автора к другому в их попытках сравнить общества, но вполне очевидно, что речь идет примерно об одном и том же – разные общества могут «в среднем», «нормальном распределении» показывать разные модели коллективного поведения, которые являются сравнительно устойчивыми на длительных временных горизонтах для одного и того же общества, независимо от того, что тот или иной индивид в них может считать себя особенным, существующим сам по себе, вне всяких «средних». В этой связи общества/экономики могут существенно различаться в том, как они устроены, и формировать свои модели. Часто такое коллективное поведение или, как синоним, «коллективный человек» могут отвергаться как миф, как то, что не существует. Тем не менее, массовые социологические исследования доказывают, что коллективное поведение существует. Это – не схоластика, не умозрительные идеологические построения, не вольная интерпретация истории и даже не этнографический или культурологический анализ, построенный на экспертизе, отрывочных наблюдениях и литературе, а количественный анализ на представительных выборках и опросах, совершаемых по одним и тем же методам в разных странах.

Основу для такого анализа формируют международные проекты – базы данных, такие как «Всемирный обзор ценностей» (World Values Survey (WVS)), «Европейский обзор ценностей» (European Values Survey (EVS)) и др. Вследствие этого возник широкий круг исследований и литературы, сопоставляющей различные модели коллективного поведения и обществ, которые им адекватны. Хорошо известны работы Г. Хофстеде с соавторами [Hofstede, Hofstede, Minkov 2010; Hofstede 2001], Р. Инглхарта [Inglehart 2018], К. Вельцеля с соавторами [Welzel, Inglehart, Klingemann 2003], П. Акалийски и К. Вейцеля [Akaliyski, Weizel 2019], А. Аузана [Аузан 2022]. Используются в научном обороте «Всемирная карта культур», разработанная Р. Инглхартом и К. Вельцелем¹, а также другие подобные карты [Schwartz 2006; Minkov 2011]. В итоге возникает возможность доказательно/количественно сравнивать российскую и другие модели коллективного поведения, понимая, что даже если это сравнение провести в одной временной точке (5–10 лет), то его результаты будут отражать столетние тренды и ценности, идеи, традиции, имеющие вековой характер.

¹ The Inglehart-Welzel World Cultural Map // World Values Survey // <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp?CMSID=Findings>, дата обращения 15.05.2023.

Безусловно, следует сделать оговорки. Замеры, приведенные ниже, носят индикативный/демонстрационный характер, сделаны на коротких временных горизонтах. Количественный и на его основе качественный анализ, который необходим для исследования коллективных моделей поведения на уровне макро-, гораздо шире по объему, требует максимума временных горизонтов с привлечением результатов, полученных в истории (массовое поведение), экономике, исторической культурологии, психологии массового поведения и т.п. Тем не менее, эти замеры (с учетом того, что предметная область исследуется много лет) применимы для эскизного анализа.

Еще одна оговорка. Есть масса региональных особенностей в коллективном поведении – в регионах с преобладанием мусульманского или буддистского населения, национальных меньшинств, переселенцев, тех, кто бежал на границы государства (казаки), в столичных центрах и крупнейших городах, в богатейших районах добычи сырья и т.п. Эти особенности в статье не обсуждаются, они должны стать предметом отдельного исследования.

Цель статьи – сравнительный/эскизный анализ моделей коллективного поведения (англосаксонской, континентальной, российской); выявление особенностей российской модели, демонстрация рационального поведения российского народа в течение 300 лет под стрессами, вызванными сверхконцентрацией власти; доказательство возможности изменений в модели коллективного поведения; сценарный прогноз моделей поведения/общества/экономики на горизонте в 10–15 лет; обоснование перспективной модели («континентальной», «социальной рыночной») на более отдаленных временных горизонтах.

Сравнение моделей коллективного поведения

Первичное сравнение моделей коллективного поведения проведено в *таблице 1*.

Конкуренция. Количественный анализ показывает очевидные различия в коллективном поведении в обществах, сформированных в границах той или иной страны (хотя границы бывают условны). Максимум считающих, что «конкуренция – это хорошо», относятся к США (56,3% опрошенных, *таблица 1*), минимум – в России (38,9%), «золотая середина» – в Германии (40,6%) и Швеции (52,1%). И, наоборот, максимум тех, кто имеет мнение, что «конкуренция – вредна», – в России (13,8%), минимум – в США (5,6%), Германия и Швеция занимают среднее положение.

Эти различия вполне объяснимы. Коллективное поведение в США, как в эмигрантском обществе (активные, сильные, ищущие лучшей жизни), должно демонстрировать более высокую приверженность к межличностной конкуренции, чем в Германии и Швеции (Западная и Северная Европа, общества с меньшей мобильностью, укорененные, более «вросшие в землю») и, тем более, чем в России, где наблюдается вековая традиция очень высокой концентрации власти, подчинения, служения по вертикали.

«Не выпрыгивай». Должны ли быть равными доходы (*таблица 1*)? Можно ожидать, что в обществах, в которых конкуренция обладает большей ценностью, равенство доходов будет в наибольшей степени отвергаться, и наоборот.

И, действительно, в США – минимум тех, кто привержен равенству доходов (21,8% опрошенных), максимум – в России (55,9%), Германия и Швеция укладываются в «середину».

Таблица 1. **Модели коллективного поведения (устройство общества, человек среди людей)***

Утверждение (сумма трех высших оценок)	% опрошенных			
	Россия	Германия	Швеция	США
Конкуренция – это хорошо. Она побуждает людей напряженно работать и развивать новые идеи. Вопрос V99	38,9	40,6	52,1	56,3
Конкуренция – вредна. Она вытаскивает из людей наружу самое худшее. Вопрос V99	13,8	6,0	5,7	5,6
Доходы должны быть в наибольшей степени равными. Вопрос V96	55,9	42,0	32,4	21,8
Госсобственность в экономике нужно увеличить. Вопрос V97	41,3	11,0	15,5	6,1
Правительство должно нести больше ответственности за то, чтобы все были обеспечены. Вопрос V98	64,3	34,1	21,3	19,4
Я согласен с тем, что большинству людей можно доверять. Вопрос V99	27,8	44,6	60,1	34,8
Я всегда голосую на национальных выборах. Вопрос V227	41,8	69,3	84,1	57,8
Насколько это описание похоже на Вас: «Приключения и риск очень важны для этого человека, он стремится к жизни, полной захватывающих событий». Сумма ответов – «Очень похоже на меня» и «Как я». Вопрос V76	19,7	14,1	19,0	25,3

*Международный проект “World Values Survey” // <http://www.worldvaluessurvey.org>, дата обращения 15.05.2023.
 WV6_Results Russia 2011 Technical record v.2016.01.01;
 WV6_Results Germany 2013 Technical record v.2016.01.01;
 WV6_Results Sweden 2011 Technical record v.2016.01.01;
 WV6_Results United States 2011 Technical record v.2016.01.01.

Протекционизм, защищенность. Установка «меньше конкуренции, больше равенства» означает, что государство должно быть сильным, чтобы каждый его гражданин был обеспечен, а в экономике должна преобладать государственная собственность, и наоборот. Именно так и происходит: самые высокие требования к государству и его роли – в России, самые низкие (кратно) – в США, «золотая середина» – в Германии и Швеции.

Межличностное доверие. У высочайшей межличностной конкуренции есть оборотная сторона – высокое доверие к тем, кто рядом, оно – вынужденное.

Выживание не имеет больших гарантий «сверху», оно – совместное, на основе совместных действий, когда соглашения ради выживания заключаются, прежде всего, по горизонтали. Из этого должно вырастать доверие к «сожителям», к тем, с кем довелось быть вместе, чтобы выжить, в чем бы это ни проявлялось – от мельчайших услуг друг другу до семьи.

И наоборот: при высоких концентрациях власти, подчинения, контроля, надзора горизонтальные взаимодействия становятся гораздо более конфликтными, менее доверительными. Человек поднадзорный, человек нарушающий, который ставится в центр всей системы регулирования, испытывает к другому (такому же, как он) гораздо меньшее доверие. «Не верь» становится одной из основ бытия.

Как это отражается в опросах? Наименьшая степень доверия – в России: только 27,8% опрошенных (*таблица 1*) максимально согласны, что «большинству людей можно доверять»; в США – 34,8%; а самая высокая степень доверия – в старых европейских обществах, с глубокой рыночной/конкурентной традицией, с гораздо меньшим, чем в России, вмешательством государства, но гораздо большим, чем в США.

Участие в создании институтов/вертикалей. Концентрация власти «наверху» создает глубокие различия между «я» и «они», максимальную отдаленность от «них», неверие в возможности влиять на создание «их». Бытующая точка зрения – «все равно они сделают так, как хотят» – наиболее массово проявляется в России, где наблюдается наименьшая активность избирателей в рассматриваемой группе стран (*таблица 1*), здесь только 41,8% опрошенных всегда участвуют в национальных выборах. Гораздо выше этот показатель в США, где вера в возможность влиять на государство, на его институты приводит на избирательные участки 57,8% американцев, но самая высокая – в Германии и Швеции (69,3 и 84,1% соответственно), чему способствует расширенная роль государства при его неотчуждении от публики и при укорененной вере населения в возможности воздействовать на его институты и их политику.

Уровень рисков, принимаемых индивидом. Этот показатель ожидаемо самый высокий – в США (эмигранты, конкуренция), где 25,3% опрошенных видят себя как в зеркале в том, что «приключения и риск очень важны для этого человека, он стремится к жизни, полной захватывающих событий». Несколько меньше в Германии и Швеции (14 и 19% соответственно), эти общества известны меньшей приверженностью рискам. Россия демонстрирует сравнительно высокие значения – 19,7% опрошенных.

Это давняя модель поведения, когда ждешь защиты, протекции «сверху», надеешься на вертикаль, просишь или выслуживаешь у нее блага, но не веришь, что они будут даны, что ты действительно защищен, выдвигая еще одну основу собственного бытия – «надейся только на себя». Образно говоря, это напоминает поведение «волчка в лесу», когда выискивается кратковременная выгода, при этом без стеснения нарушаются законы и правила. Чтобы лучше понять такую модель поведения, необходимо провести анализ того, как в разных обществах относятся к нарушениям морали и норм закона (*таблица 2*).

Максимум тех, кто считает, что «нет оправданий никогда» самым разным нарушениям закона (кражам, взяткам, неуплате налогов и т.п.) – в Германии, США занимает второе место (*таблица 2*). Наименее законопослушные граждане находятся в России, и это является продолжением логики тех, кто находится в самом низу жестких иерархий, – «надейся только на себя», поведение «волчка в лесу».

Таблица 2. Модели коллективного поведения (мораль, право)*

Утверждение (сумма трех высших оценок)	% опрошенных			
	Россия	Германия	Швеция	США
«Нет оправдания никогда»				
Неуплате налогов, когда есть такая возможность. Вопрос V201	41,0	н/д	59,9	67,9
Получению взятки при использовании служебного положения. Вопрос V202	60,5	71,4	65,4	74,1
Краже чужой собственности. Вопрос V200	69,9	87,0	68,1	74,0
Проезду без оплаты в общественном транспорте. Вопрос V199	28,4	64,5	45,9	51,8
Получению государственных пособий, на которые у человека нет права. Вопрос V198	38,9	65,3	54,6	62,6

*Международный проект “World Values Survey” // <http://www.worldvaluessurvey.org>, дата обращения 15.05.2023.
 WV6_Results Russia 2011 Technical record v.2016.01.01;
 WV6_Results Germany 2013 Technical record v.2016.01.01;
 WV6_Results Sweden 2011 Technical record v.2016.01.01;
 WV6_Results United States 2011 Technical record v.2016.01.01.

Духовность, религиозность. Есть ли какие-то особенные духовные черты, присущие российской модели поведения? Предположим, стойкий «приоритет духовного над материальным»? Можно ли найти его следы в базах данных социологов (*таблица 3*)?

Неожиданно оказывается, что в США, в обществе, которое традиционно считается в России наименее духовным и наиболее потребительским, материалистичным, индивидуалистским, эгоистичным и т.п., религиозность как личная идеология на порядок важнее, чем в России. Судя по данным социологов, в этом обществе гораздо больше тех, кто стремится воспитывать у своих детей бескорыстие и альтруизм.

Следует помнить, что США как общество гораздо богаче российского (ВВП на душу населения по номиналу – 76,3 тыс. долл. против 15,4 тыс. долл. в России в 2022 г.)²; индекс человеческого развития в США существенно выше (21-е место в мире против 52-го места у России в 2022 г.)³, а ожидаемая продолжительность жизни – 79,7 лет в 2023 г. (в России – 74,6 лет)⁴. Богатство, как и бедность обществ, неизбежно должны накладывать свой отпечаток на их «духовность» или «материальность». С другой стороны, бедность, борьба за выживание, за удовлетворение первичных потребностей при низких объемах личных ресурсов – не лучшая основа для расцвета духовности.

² IMF World Economic Outlook Database, April 2021 // <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2023/April>, дата обращения 15.05.2023.

³ Human Development Index-2022, Human Development Reports // <https://hdr.undp.org/data-center/country-insights#/ranks>, дата обращения 15.05.2023.

⁴ Life Expectancy at Birth for Both Sexes Combined (Years), UNData // <http://data.un.org/Data.aspx?q=life+expectancy&d=PopDiv&f=variableID%3a68>, дата обращения 15.05.2023.

Таблица 3. Тест на «приоритет духовного над материальным»*

	% опрошенных			
	Россия	Германия	Швеция	США
«Религия в моей жизни очень важна». Вопрос V.9	14,3	13,1	7,9	40,4
Религиозность (упомянута среди 5 наиболее важных качеств, которые нужно воспитать у детей). Вопрос V.19	13,9	12,1	4,4	43,1
Бескорыстие, неэгоистичность (упомянуты среди пяти наиболее важных качеств, которые нужно воспитать у детей). Вопрос V.20	22,6	5,9	30,4	32,7

*Международный проект “World Values Survey” // <http://www.worldvaluessurvey.org>, дата обращения 15.05.2023.
 WV6_Results Russia 2011 Technical record v.2016.01.01;
 WV6_Results Germany 2013 Technical record v.2016.01.01;
 WV6_Results Sweden 2011 Technical record v.2016.01.01;
 WV6_Results United States 2011 Technical record v.2016.01.01.

Внутренние «замеры» российской модели коллективного поведения

Как показывают международные сравнения (см. выше), российская модель коллективного поведения ориентирована на жесткие иерархии, огосударствленность, сверхконцентрацию власти и ресурсов, высокую роль распределения «сверху-вниз», протекционизм при способности к принятию высоких рисков «вниз», готовность к активным личным действиям, вызванным низким доверием друг к другу и стремлением к выживанию при очень ограниченных объемах ресурсов, находящихся в распоряжении индивида. И социологические замеры, проведенные в России, из года в год подтверждают эту модель, которой способствует относительная бедность населения. По опросу ФНИСЦ РАН (опрос в конце 2020 г.), 65% населения справляются с покупкой продовольствия и одежды в обычном порядке, но оплата телевизора или холодильника вызывает затруднения. 15% россиян причисляют себя к бедным, 3% – к нищим, 13% – к обеспеченным (нет проблем приобрести холодильник), 4% – к богатым [Левашов и др. 2021а, с. 43]. При этом граждане России доверяют преимущественно вертикалям власти: 64% – Президенту РФ, 60% – армии, 51% – правительству и только 9% – предпринимателям и банкам; однако бизнесу, т.е. по горизонтали, в доверии отказано [Левашов и др. 2021а, с. 16]. Мнения, что «государство пока не выполняет своей обязанности по обеспечению достойной жизни граждан», придерживается 54% россиян (обратное мнение – только у 17% (сентябрь 2020 г.) [Левашов и др. 2021b, с. 47]. Подчеркнем – обязанность! Именно так понимается роль государства. При этом с утверждением, что «России нужна твердая рука», согласны 68%; для 71% – перемены не нужны вовсе; необходима лишь стабильность [Левашов и др. 2021а, с. 27].

Идеи коллективизма, «левизна» пронизывают все наше общество. Для 44% населения порядок и социализм – это идентичные понятия, для 29% социализм ассоциируется со справедливостью, для 38% социализм и коллективизм несут равнозначные смыслы. А что с «капитализмом»? Для 28% – социальная незащищенность, для 23% – синоним бедности, для 45% – власть узкой группы людей. Что касается видения будущего России, то 17% выбирают социализм по-шведски, 11% – за социализм по-китайски и только для 9% образец общества в России – модели США, Франции, Германии или Великобритании (опрос в конце 2020 г.).

Большинство россиян «влюблено» в государство: 65% считают, что роль государства в разных сферах, включая экономику, нужно усилить [Государство и общество 2021], и всего 28% выступают за минимальное вмешательство государства. А какова же главная обязанность государства с точки зрения россиян? 96% граждан России считают, что государство должно оказывать социальную поддержку и заботиться обо всех, и приоритетными направлениями следует выбрать в первую очередь здравоохранение, образование, внедрение новых производств и обеспечение жильем [Государство и общество 2021].

Общества, вырастающие из коллективных моделей поведения

Традиционно представляется, что Германия и Швеция (точнее, общества, которые в них существуют) – представители континентальной модели, социальной рыночной экономики, скандинавской модели, а США – англосаксонской. Что касается России (ее общества), то ожидается, что в ее модели, как ее ни назови, гораздо выше концентрация власти «наверху», гораздо жестче выстроены иерархии/вертикали, гораздо больше прямого подчинения «снизу-вверх», чем конкуренции между людьми по горизонтали. В проведенных исследованиях выявлено значительное сходство российской модели с латиноамериканской [Миркин 2011, с. 290–292; Миркин, Лебедева 2018] и с теми обществами, которые сложились в бывших республиках СССР. Сравнительная характеристика обществ, адекватных тем или иным моделям коллективного поведения, рассмотренным в *таблицах 1 и 2*, приведена в *таблице 4*.

Изменения моделей коллективного поведения

Модели коллективного поведения могут трансформироваться под внешними силовыми воздействиями или в результате внутренних стрессов, перекраивающих модели общества, например, послевоенная Япония, Южная Корея (скрещивание с англосаксонской моделью), СССР 1930-х – начала 1950-х гг., Северная Корея, маоистский Китай (тоталитаризм под «социалистическими лозунгами», директивная экономика). Крупнейшие изменения в моделях коллективного поведения происходили и в мусульманском мире (модернизация (Малайзия, Дубай), возврат к фундаментальному исламу (Иран, Афганистан и др.). Вполне очевидны попытки привить «американизм» (более рискованное, мобильное, инновационное поведение населения) в послевоенной Западной и Южной Европе.

Таблица 4. Сравнительная характеристика обществ

	«Стейкхолдеры» «Латиноамериканская модель» Развивающаяся экономика	«Стейкхолдеры» Континентальная модель Социальная рыночная экономика	«Акционеры» Англосаксонская модель «Эмигрантская» модель
	<i>Россия</i>	<i>Германия, Швеция и т.п.</i>	<i>США, англосаксонские страны</i>
Модель коллективного поведения населения	Самое высокое стремление к протекционизму, защищенности, быть в иерархии. Самая низкая мобильность. Выше принимаемые риски. Соблюдение норм и правил – низкое	Выше стремление к протекционизму, быть в иерархии. Ниже мобильность. Ниже принимаемые риски. Соблюдение норм и правил – высокое (особенно в Германии)	Ниже стремление к протекционизму, быть в иерархии. Выше мобильность. Выше принимаемые риски. Соблюдение норм и правил – высокое
Модель экономики	Капитализм «стейкхолдеров» (контролирующих акционеров), с очень высокой ролью государства как «стейкхолдера»	Капитализм «стейкхолдеров» (контролирующих акционеров)	Капитализм акционеров
Огосударствленность экономики	Высокая/крайне высокая роль государства, в том числе в капиталах крупнейших компаний	Заметно присутствие государства в собственности и как экономического агента	Резко ограниченная
Модель компании (ожидания владельцев)	Прямой доступ к финансовым и материальным потокам, капитализация и высокая роль дивидендов крайне ограниченного круга компаний на небольшом спекулятивном рынке акций	Прямой доступ к финансовым и материальным потокам, капитализация – только на рынке M&A, высокая роль дивидендов	Рост капитализации. Выше капитализация. Низкая роль дивидендов
Модель финансирования компании	Преимущественно долговая, наименьше включения акционерного капитала. До 2014–2022 гг. – высокая доля иностранного капитала в крупнейших компаниях	Преимущественно долговая, акции играют подчиненную роль	Акционерный капитал, потом долги
Модель финансовой системы	Основания на банках, кредитах, bank-based, с включением небольшого высокоспекулятивного рынка акций. Роль банков – подавляющая, иные финансовые институты – не выше 10% финансовых активов	Основания на банках, кредитах, bank-based, с включением финансового рынка с гораздо меньшим уровнем развития, чем в англосаксонской модели. Финансовый рынок играет подчиненную роль	Основания на финансовом рынке, market-based, крупнейшие процветающие рынки всех видов финансовых инструментов. Традиционные банки играют подчиненную роль

<p>Модель финансирования инноваций</p>	<p>Крайне высокое участие государства. Зародившиеся рынки венчурного финансирования и компаний с малой капитализацией (small caps)</p>	<p>Расширенное участие государства. Незначительные рынки венчурного финансирования и компаний с малой капитализацией (small caps)</p>	<p>«Американская модель» Крупный рынок венчурного финансирования с последующей капитализацией на рынках компаний с малой капитализацией (small caps). Роль государства – выборочна (оборона, космос и т.п.)</p>
<p>Рынки финансовых инноваций</p>	<p>Подавленные, мелкие, высокоспекулятивные</p>	<p>Подавленные, догоняющие «англосаксонскую модель»</p>	<p>Продвигаются, быстро растущие</p>
<p>Наиболее важные формы сотрудничества (коллаборации) в бизнесе</p>	<p>Крупнейшие участия государства и находящихся под его контролем компаний как стейкхолдеров. Партнерства из нескольких физических лиц-стейкхолдеров – участников капитала</p>	<p>Преимущественно институциональные инвесторы (корпорации, банки и небанковские финансовые институты), находящиеся под контролем стейкхолдеров. До некоторой степени государство</p>	<p>Акционерные капиталы – множество мелких акционеров. Инвестиционные и пенсионные фонды, др. небанковские финансовые институты – представители многих мелких инвесторов</p>
<p>Формы сотрудничества (коллаборации) в социальной сфере</p>	<p>Развиты в наименьшей степени, даже в сравнении с континентальной моделью. Государство</p>	<p>Развиты в гораздо меньшей степени, чем в англосаксонской модели. Государство</p>	<p>Эндаумент-фонды. Мемориальные участия (госпитали, музеи, университеты и т.п.)</p>
<p>Различия в динамике</p>	<p>Торможение, стагнация, при отдельных рынках, связанных со скачками в ценах на сырье. Крайне высокая волатильность</p>	<p>Ниже темпы роста по номиналу, чем «англосаксонская модель». Ниже волатильность, чем в англосаксонской модели. Менее инновационная. Принимает более низкие риски. Медленнее уходит в кризисы и медленнее выходит из них</p>	<p>Выше темпы роста по номиналу, чем «континентальная модель». Волатильнее, чем континентальная модель. Более инновационная. Принимает более высокие риски. Быстрее уходит в кризисы и быстрее выходит из них</p>

В любом случае виден тренд создания смешанных моделей коллективного поведения, приводящих к скачкам в изменениях обществ. «Национальное», особенное, долговременная традиция, вызванные многими веками совместной жизни, остаются, хотя, возможно, в несколько размытом виде, но к ним активно прививаются иные, далеко отстоящие модели коллективного поведения, а «смешение кровей», как известно, может дать поразительные результаты.

*Почти по Свифту.
С тупого или острого конца яйца?*

Встает вопрос, что первично, а что вторично – коллективное поведение или модель общества. Логичнее говорить о взаимосвязи, о взаимообусловленности, не отвергая идею, что модель общества, если она навязана насилием, силой, – жесткая вертикаль, если она удерживается на очень длинных временных горизонтах, может сама по себе формировать модель коллективного поведения, которая ей соответствует.

В случае России можно предполагать, что модель коллективного поведения сформировалась под влиянием, по меньшей мере, 300-летнего воздействия жесткого централизованного государства, свободно распоряжающегося населением как счетными единицами, хотя историки, конечно, поведут свой счет «жесткой централизации» гораздо дальше, в глубину веков. Такая модель государства неизбежно связана с острыми стрессами, которым подвергается население (частыми войнами, вытеснением частной жизни, ее заменой на службу, на служение, на государственную жизнь, военной и трудовой мобилизацией, переселением), со сверхконцентрацией финансовых и материальных ресурсов, с высокими налогами и огромной ролью государственных финансов или даже военно-государственных, с значительными масштабами принудительного труда, с относительной бедностью большинства населения, с минимизацией частных свобод, с надзором и контролем за обществом, с обвинительным уклоном в правоприменении.

Рациональный народ

На стрессы человек, безусловно, реагирует в рамках знаменитой психологической триады «Беги! Замри! Сражайся!», тех рациональных реакций, которые дают больше шансов выжить. Если так же реагирует «коллективный человек», то можно говорить о «рациональном коллективном поведении», о «рациональном народе», который ведет себя так, чтобы вероятность того, что он выживет как целое и будет развиваться дальше, была как можно выше. Три века российской истории пестрят рациональными реакциями народа, отвечающего на стрессы, идущие от внешних сил и/или внутренних воздействий «сверху».

«Беги!»

Наиболее характерные реакции, охватывающие большие массы населения, за 300 с лишним лет:⁵

- 1690–1725 гг. – Петр I, петровские войны и мобилизации – массовое бегство на окраины государства (0,45 млн чел.);
- 1881–1914 гг. – эмиграция евреев, 2 млн чел. (ограничения, враждебные действия);
- 1917–1921 гг. – исход, белая эмиграция, 2–3 млн чел. (революция, гражданская война, террор);
- 1970–2001 г. – эмиграция евреев, 0,5 млн чел. (из России) (ограничения, враждебные действия, жестокости XX в.);
- 1990-е – 2000-е гг. – эмиграция немцев, 0,4 млн чел. (выселения, ограничения, жестокости XX в.);
- 1990-е – 2021 гг. – больше 1 млн чел. (происхождением из России, кроме этнической эмиграции) (пореформенные деформации, регресс экономики, крайне высокая волатильность);
- 2022 г. – эмиграция, 0,5–1 млн чел. (риски разрастания военных действий) (оценка А. Ракши⁶).

«Замри!»

«Замирание», адаптация населения к стрессам без ярко выраженных социальных волнений, поддержание жизни «как обычно»:

- начало 1930-х гг. – массовый голод, карточная система;
- 1930-е – 1940-е гг. – массовые репрессии;
- 1946–1947 гг. – голод, конфискационная денежная реформа;
- 1990–1991 гг. – дефицит продовольствия, репрессивная денежная реформа;
- 1992–1993 гг. – «уйти под лед» (шоковая терапия, взрыв цен, обеднение населения, резкое увеличение смертности);
- 1992–2021 гг. – 5 экономических и финансовых потрясений (1998, 2008–2009, 2014, 2020, 2022 гг.), стагнация 2010-х – начала 2020-х гг., «Великое упрощение» (из сверхбольшой универсальной экономики в сырьевую, зависимую от импорта);
- 2022 г. – «жизнь как обычно» в условиях СВО и рисков нарастания военных действий.

«Сражайся!»

Яростная, резкая реакция народа, стремящегося преодолеть, сохранить, преумножить, создать будущее:

5 Подтверждения статистики см. в [Миркин 2022, с. 213–220].

6 Интервью демографа А. Ракши от 17 марта 2023 г. // Cherta.media // <https://cherta.media/interview/my-v-chaose/?ysclid=lj6wzmbzsz480991877>, дата обращения 20.05.2023.

- 1690-е – 1725 гг. – Петр I, массовые бунты в петровские войны и мобилизации;
- 1812 г. – Отечественная война 1812 г. Без воли народа – не победить;
- 1917–1920-е гг. – разрушение «до основания» складывающейся веками модели российского общества как ответ на огромные потери в Первую мировую войну, на жесточайшие разрывы внутри населения в статусах, собственности и доходах, на продовольственный и транспортный кризисы, на глубокие нарушения в системе управления (в части институционального устройства и низкого качества управления);
- 1920–1921 гг. – бунты (Кронштадт, крестьянские восстания, «Советы без большевиков»);
- 1941–1945 гг. – Великая Отечественная война. Народом совершено военное и экономическое чудо 1941–1945 гг. Это мог сделать только народ, решившийся быть за пределами своих сил – отчаянно и упорно сражаться, преодолевая небывалые в мире человеческие потери и утрату не менее половины своего экономического потенциала. В 1941–1942 гг. на оккупированных территориях были потеряны около 70% чугуна, 60% стали, 60% алюминия, более 40% протяженности железных дорог, почти 50% посевной земли и, что самое страшное, около 40% населения [*Вознесенский* 1948, с. 42; Великая Отечественная война 2013, с. 64–65, 122, 146].
- 1991 г. – «августовский путч». «К вечеру на площади перед зданием Верховного Совета России стояло от 50 до 100 тыс. чел.» [*Степанков, Лисов* 1992, с. 172], и только благодаря этим людям не пролилась кровь.
Что касается экономики, то здесь действительно наблюдалось экономическое чудо:
- 1921–1929 гг. – НЭП. В 1920 г. промышленное производство составляло всего лишь 17% от уровня 1913 г. В 1926–1927 гг. в промышленном производстве догнали 1913 г. Темпы роста – 30–40% в год [*Смирнов* 2012, с. 69]. К началу 1930-х гг. довоенный уровень был перекрыт:
 - чугун: 1920 г. – 2,4% от 1913 г., 1929/30 гг. – 131%; план ГОЭЛРО (1932/33) – 195%;
 - уголь: 1920 г. – 27% от 1913 г., 1929/30 гг. – 179%; план ГОЭЛРО (1932/33) – 216%;
 - нефть: 1920 г. – 43% от 1913 г., 1929/30 гг. – 174%; план ГОЭЛРО (1932/33) – 105% [*Ханковский* 1930, с. 96, 99].
 - 1930-е – 1950-е гг.:
 - 1930-е гг. – технологическая модернизация (следует учитывать важнейшую роль, особенно в 1931–1933 гг., поставок с Запада);
 - 1941–1945 гг. – экономическое чудо массовой эвакуации рабочей силы, предприятий и оборудования, восстановления и сверхинтенсивного использования промышленного потенциала, при важнейшей роли поставок по ленд-лизу;
 - середина 1940-х – 1950-е гг. – сверхбыстрые темпы восстановления и роста экономики – соединение высокой энергетики народа с масштабным использованием принудительного труда (до середины 1950-х), а также прямого управления рабочей силой (жесткие режимы надзора, ограничений в мобильности, прямого перемещения, тяжелейших санкций).

– 1990-е – 2010-е гг. – «экономическое чудо» выживания семей: создание массовой низкобюджетной модели семьи (отходничество, серая экономика, «сады и огороды»). «Из примерно 50–54 млн российских семей не менее 10–15, а может и все 20 млн семей живут за счет отходничества. <...> В малых городах и сельских районах России нынче от 10–15 до 50–80% трудоспособного населения (в основном мужского, но где-то велика и доля женского) находят себе заработок на стороне» [Плюснин и др. 2013, с. 88].

Сценарии будущего

Модель коллективного поведения во многом диктует сценарии изменения существующей модели общества и экономики в России. Из административной системы/директивной экономики советского времени (1917–1990 гг.) – в сырьевую «латиноамериканскую модель» (1991–2022 гг.), далее – в «иранскую модель» с российскими особенностями (2022–?) с вероятностью, по оценке автора, 90%, или директивную/мобилизационную экономику (2022–?) с вероятностью ее возникновения – до 10%.

Подробная характеристика иранской модели дана П.С. Рипинской [Рипинская 2022]. Прогноз для России выглядит следующим образом:

1) значимость государства в экономике вырастет до 80–85% – глубокое огосударствление, высокая значимость квазигосударственных структур (аналог – иранский КСИР);

2) доля частного сектора определяется до 15–20% – продовольствие, услуги, то есть все, что относится к личному потреблению;

3) глубокая китаизация – доля Китая в экспорте-импорте России составляет выше 30%;

4) ключевое значение параллельного импорта, экспорта в обход международных ограничений, серой экономики и, соответственно, мелких и средних бизнесов, посреднических структур, компаний третьего-четвертого эшелонов в развивающихся странах как «бампера» для преодоления санкций;

5) резкий рост регулятивной нагрузки и жесткости правоприменения, массовые ограничения на свободное ценообразование, на трансграничные операции, на деятельность товарных и финансовых рынков, на мобильность людей;

6) сверхконцентрации в идеологии и в надзоре за поведением людей.

Характеристика директивной/мобилизационной модели «на рыночный лад» предложена Я.М. Миркиным в статье «Как выстраивали мобилизационную экономику Россия и другие воюющие державы» [Миркин 2023b]. В любом случае она будет содержать все элементы иранской модели + крупнейший сегмент (преимущественно оборонно-промышленный комплекс и его поставщики), в котором будут осуществляться:

1) прямое централизованное («сверху-вниз») планирование и распределение материальных и денежных ресурсов и рабочей силы, административный контроль за их использованием;

2) прямое нормирование и ценообразование в сфере производства и распределения, в финансах, кредите и денежном обращении, в использовании рабочей силы;

3) создание институтов директивной/мобилизационной экономики (аналоги Госплана, Госснаба, Госкомцен, Госбанка, ГКНТ в виде комитетов, особых совещаний, отдельных министерств + объединения производителей);

4) существенное расширение использования принудительного труда в различных формах;

5) возникновение полностью огосударственного, крупнейшего закрытого сектора в области естественных наук, разработки новых технологий и внедрения инноваций;

6) резкое повышение доли военного производства, сжатие гражданского сектора в экономике;

7) более выраженное ограждение экономики от внешнего мира, движение в ряде ее секторов к автаркии.

Предпочтительный сценарий будущего

Оптимальным сценарием будущего России является создание социальной рыночной экономики (континентальная модель, общество/государство всеобщего благосостояния) и соответствующие изменения модели коллективного поведения, однако на горизонте 10–15 лет вероятность такого сценария близка к нулю.

Почему именно этот сценарий представляется наиболее предпочтительным?

Именно он дает возможность выполнить главные цели российского общества/экономики – ожидаемая продолжительность жизни 80+, улучшение качества жизни/уровня человеческого развития (в первой двадцатке стран мира), позитивная демография (естественный рост вместо убыли населения), технологическая модернизация, высокие темпы роста.

Ни одна другая модель общества не дает возможности достичь этих целей. Командная/директивная модель (иранская, латиноамериканская) приводит к технологическому отставанию. Что касается китайской модели (переходной – либо продолжит свое движение к рыночной, либо ее вновь качнет в директивную), то возможность ее построения (а, точнее, российского «нэпа», двухсекторной экономики) была упущена в конце 1980-х гг. Англосаксонская модель не имеет в России перспектив: все попытки создать ее в 1990-е гг., имитировать ее институты оказались неудачными. Подобная ситуация касается и азиатской модели (Япония, Южная Корея, Тайвань), поскольку слишком велики разрывы в моделях коллективного поведения, и скандинавской модели, в которой весьма высоки налоговая и регулятивная нагрузки, а при них невозможен сверхбыстрый рост, который так нужен России.

Континентальная модель создает «золотую середину» между свободой и принуждением (необходимостью), обеспечивает постепенность эволюции (из латиноамериканской/иранской/директивной/мобилизационной экономики – в новую реальность), создает обширную сеть социальной поддержки со стороны государства/общества (на нее всегда рассчитывают в России), формирует баланс между частными и коллективными интересами, без которого развитие невозможно.

Континентальная модель оказалась успешно привита в постсоветских странах, включенных в процесс европейской интеграции (в Словении, Чехии,

Словакии, Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии); она же развивается на Балканах (в Сербии, Черногории и других). По «Всемирной карте культур» Р. Инглхарта и К. Вельцеля⁷, Болгария, Румыния, Греция, Кипр, Сербия, Черногория входят в ту же зону, что и Россия, а согласно «Всемирной карте культур», созданной в традиции Г. Хофстеде и М. Минкова [Minkov 2011], Россия, Польша, Румыния, Сербия также располагаются рядом.

Многие институты в России имеют германские корни либо испытали сильное германское влияние в области языка, идеологии (в том числе философии), права, социальных и экономических наук, академии наук, армии, устройства предприятий, банков, бирж; германские университеты выступали как традиционный центр высшего образования (XVIII–XIX вв.); наблюдалась высокая доля немцев в чиновничьем аппарате Российской империи; Германия не раз выступала крупным центром технологической модернизации России). Поэтому можно утверждать, что Россия имеет «генетическое родство» с континентальной моделью.

Как это сделать

Хорошо известна техника перехода к новой модели общества/экономики/коллективного поведения: после Второй мировой войны не менее 15–20 стран совершили экономическое чудо. Политика этих стран, все общее, что в них есть, специфика российского пути развития раскрыты в публикациях [Миркин 2021b; Миркин и др. 2014; Миркин и др. 2018]. Они повторяемы, но не как копии, а с учетом модели коллективного поведения, сложившегося устройства общества и особенностей ситуации в России.

Итак, возможна ли в России социальная рыночная экономика континентального типа? Технологичная, сбалансированная по интересам, с высоким качеством жизни, несущая «благосостояние для всех»? Возможны ли изменения коллективной модели поведения населения? Ответ – да, безусловно. Стоит только повторить вслед за премьер-министром П.А. Столыпиным: «Наше экономическое возрождение мы строим на наличии покупательной способности у крепкого, достаточного класса на низах» [Государственная деятельность председателя Совета министров 1911, с. 68], а далее создавать коллективную модель поведения десятилетиями, строя универсальную и быструю экономику, находясь в конкуренции со всем миром.

Список источников

- Аузан А.А. (2022) Культурные коды экономики. М.: АСТ.
 Великая Отечественная война (2013). Том 7. М.: Кучково поле.
 Вознесенский Н.А. (1948) Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: ОГИЗ.
 Государственная деятельность председателя Совета министров, статс-секретаря Петра Аркадьевича Столыпина (1911). Ч. I. СПб.: Издательство Е. Варпаховской.

⁷ The Inglehart-Welzel World Cultural Map // World Values Survey // <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSCContents.jsp?CMSID=Findings>, дата обращения 15.05.2023.

- Государство и общество: цели, приоритеты, императивы. Аналитический обзор (2021) // ВЦИОМ // <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10703>, дата обращения 15.05.2023.
- Левашов В.К., Великая Н.М., Шушпанова И.С., Афанасьев В.А., Гребняк О.В., Новоженкина О.П. (2021a) Куда идешь, Россия? М.: ФНИСЦ РАН.
- Левашов В.К., Великая Н.М., Шушпанова И.С., Афанасьев В.А., Гребняк О.В., Новоженкина О.П. (2021b) Социальное государство и гражданское общество в условиях реализации национальных проектов. М.: ФНИСЦ РАН.
- Миркин Я.М. (2002) Рынок ценных бумаг России: воздействие фундаментальных факторов, прогноз и политика развития. М.: Альпина Паблишер.
- Миркин Я.М. (2011) Финансовое будущее России: экстремумы, бумы, системные риски. М.: GELEOS Publishing House.
- Миркин Я.М. (2021a) Какая модель экономики и финансового сектора необходима России? // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 231. № 5. С. 128–144. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-231-5-128-144
- Миркин Я.М. (2021b) Новая экономическая политика для России // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 227. № 1. С. 115–127. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-227-1-115-127
- Миркин Я.М. (2022) Краткая история российских стрессов. Модели коллективного и личного поведения в России за 300 лет. М.: АСТ.
- Миркин Я.М. (2023a) Директивная, депрессивная // Родина. № 1. С. 48–53 // <https://rg.ru/2022/12/30/direktivnaia-depressivnaia.html>, дата обращения 15.05.2023.
- Миркин Я.М. (2023b) Как выстраивали мобилизационную экономику Россия и другие воюющие державы // Родина. № 2. С. 31–35 // <https://rg.ru/2023/02/05/pervaia-mirovaia-front-za-liniej-fronta.html>, дата обращения 15.05.2023.
- Миркин Я.М., Добашина И.В., Кудинова М.М., Левченко А.В., Бахтараева К.Б., Жукова Т.В., Бунатян А.Г. (2014) Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика. М.: Магистр.
- Миркин Я.М., Жукова Т.В., Бахтараева К.Б., Комова А.В. (2018) Механизмы стимулирования сверхбыстрого роста: мировая практика. М.: Магистр.
- Миркин Я.М., Лебедева К. (2018) Феномен связанной динамики в глобальных финансах (Россия, Бразилия) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 1. С. 155–169. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-1-155-169
- Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. (2013) Отходники. М.: Новый Хронограф.
- Рипинская П.С. (2022) Иран. Экономика под санкциями. М.: АСТ.
- Смирнов С. (2012) Динамика промышленного производства и экономический цикл в СССР и России, 1861–2012. М.: ВШЭ.
- Степанков В.Г., Лисов Е.К. (1992) Кремлевский заговор. Версия следствия. М.: Огонек, ОГИЗ.
- Ханковский А. (1930) План ГОЭЛРО и план электрификации на 1931 г. // Плановое хозяйство. № 12. С. 63–114.
- Akaliyski P., Weizel C. (2019) Clashing Values: Cultural and Geopolitical Transformations of Post-Cold War Europe // World Values Research, vol. 11, no 4, pp. 341–379. DOI: 10.13140/RG.2.2.36133.45281
- Dore R. (2000) Stock Market Capitalism: Welfare Capitalism. Japan and Germany versus the Anglo-Saxons, Oxford UK, Oxford University Press.
- Esping-Andersen G. (1990) The Three Worlds of Welfare Capitalism, Princeton: Princeton University Press.
- Esping-Andersen G. (1997) Hybrid or Unique? The Japanese Welfare State between Europe and America // Journal of European Social Policy, vol. 7, no 4, pp. 179–89.
- Hall P.A., Soskice D. (2001) Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage, Oxford, UK: Oxford University Press.

- Hofstede G. (2001) *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations*, Thousand Oaks CA: Sage Publications.
- Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. (2010) *Cultures and Organizations: Software of the Mind*, McGraw-Hill USA.
- Inglehart R. (2018) *Cultural Evolution*, New York-Cambridge: Cambridge University Press.
- Minkov M. (2011) *Cultural Differences in a Globalizing World*, UK: Emerald Group Publishing Ltd.
- Sapir A. (2005) *Globalization and the Reform of European Social Models*, Brussels: Bruegel.
- Schwab K., Vanham P. (2021) *Stakeholder Capitalism: A Global Economy that Works for Progress, People and Planet* // <https://www.wiley.com/en-us/exportProduct/pdf/9781119756132>, дата обращения 15.05.2023.
- Schwartz S. (2006) A Theory of Cultural Value Orientations: Explication and Applications // *Comparative Sociology*, vol. 5, no 2–3, pp. 137–182. DOI: 10.1163/156913306778667357
- Weizel C., Inglehart R., Klingemann H.-D. (2003) The Theory of Human Development: A Cross-cultural Analysis // *European Journal of Political Research*, vol. 42, pp. 341–379 // <https://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/74505/1475-6765.00086.pdf?sequence=>, дата обращения 15.05.2023.

Models of Collective Behavior in Russia: Past (300 Years) and Future

Ya.M. MIRKIN*

***Yakov M. Mirkin** – DSc in Economics, Professor, Moscow, Russian Federation, yakov.mirkin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2507-9811>

Citation: Mirkin Ya.M. (2023) Models of Collective Behavior in Russia: Past (300 Years) and Future. *Mir Rossii*, vol. 32, no 4, pp. 36–55 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-4-36-55

Abstract

This article presents a comparative (outline) analysis of various models of collective behavior—Anglo-Saxon, Continental, and Russian. Data are sourced from the World Values Survey and from sociological surveys conducted within Russia. I highlight the unique aspects of the Russian model of behavior and discuss the rationality of collective behavior in Russia from the 18th to the 20th centuries, detailing how society responded to stresses induced by the excessive concentration of power within the psychological triad ‘Run, freeze, fight’. I provide evidence that it is possible to change the model of collective behavior by establishing new objectives and implementing top-down reforms and propose a scenario-based forecast for the evolution of behavioral models / societal models / economy over a 10–15-year horizon. For more distant timeframes, I suggest and justify a prospective model (‘Continental’, ‘Social Market Economy’) aimed at increasing life expectancy (to 80+) and the quality of life in Russia, facilitating technological modernization, and stimulating ultra-rapid economic growth, akin to what occurred in 15–20 countries globally following the Second World War.

The article was received in May 2023.

Keywords: *Anglo-Saxon model, collective behavior, command economy, European continental model, future society, Iranian model, mobilization economy, variants of Asian capitalism, overconcentration of power, Russia, social market economy, sociology, World Values Survey*

References

- Auzan A.A. (2022) *Cultural Codes of the Economy*, Moscow: AST (in Russian).
- Akaliyski P., Weizel C. (2019) Clashing Values: Cultural and Geopolitical Transformations of Post-Cold War Europe. *World Values Research*, vol. 11, no 4, pp. 341–379. DOI: 10.13140/RG.2.2.36133.45281
- Dore R. (2000) *Stock Market Capitalism: Welfare Capitalism. Japan and Germany versus the Anglo-Saxons*, Oxford UK: Oxford University Press.
- Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*, Princeton: Princeton University Press.
- Esping-Andersen G. (1997) Hybrid or Unique? The Japanese Welfare State between Europe and America. *Journal of European Social Policy*, vol. 7, no 4, pp. 179–89.
- Hall P.A., Soskice D. (2001) *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage*, Oxford, UK: Oxford University Press.
- Hofstede G. (2001) *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations*, Thousand Oaks CA: Sage Publications.
- Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. (2010) *Cultures and Organizations: Software of the Mind*, McGraw-Hill USA.
- Inglehart R. (2018) *Cultural Evolution*, New York-Cambridge: Cambridge University Press.
- Great Patriotic War* (2013). Vol. 7, Moscow: Kuchkovo Field (in Russian).
- Khankovsky A. (1930) GOELRO Plan and Electrification Plan for 1931. *Planned Economy*, no 12, pp. 63–114 (in Russian).
- Levashov V.K., Velikaya N.M., Shushpanova I.S., Afanasyev V.A., Grebenyuk O.V., Novozhenina O.P. (2021a) *Where are You Going, Russia?* Moscow: FCTAS RAS (in Russian).
- Levashov V.K., Velikaya N.M., Shushpanova I.S., Afanasyev V.A., Grebenyuk O.V., Novozhenina O.P. (2021b) *Social State and Civil Society in the Context of the Implementation of National Projects*, Moscow: FCTAS RAS (in Russian).
- Mirkin Ya.M. (2002) *Russian Securities Market: Influence of Fundamental Factors, Outlook, and Development Policy*, Moscow: Alpina Publisher (in Russian).
- Minkov Ya.M. (2011) *Cultural Differences in a Globalizing World*, UK: Emerald Group Publishing Ltd.
- Mirkin Ya.M. (2011) *The Financial Future of Russia: Extremes, Booms, Systemic Risks*, Moscow: GELEOS Publishing House (in Russian).
- Mirkin Ya.M. (2021a) What Model of Economy and Financial Sector Does Russia Need? *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, vol. 231, no 5, pp. 128–144 (in Russian). DOI: 10.38197/2072-2060-2021-231-5-128-144
- Mirkin Ya.M. (2021b) New Economic Policy for Russia. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, vol. 227, no 1, pp. 115–127 (in Russian). DOI: 10.38197/2072-2060-2021-227-1-115-127
- Mirkin Ya.M. (2022) *Brief History of Russian Stresses. Models of Collective and Personal Behavior in Russia for 300 Years*, Moscow: AST (in Russian).
- Mirkin Ya.M. (2023a) Directive, Depressive. *Rodina*, no 1, pp. 48–53. Available at: <https://rg.ru/2022/12/30/direktivnaia-depressivnaia.html>, accessed 15.05.2023 (in Russian).
- Mirkin Ya.M. (2023b) How Russia and Other Countries Built Their Mobilization Economies. *Rodina*, no 2, pp. 31–35. Available at: <https://rg.ru/2023/02/05/pervaia-mirovaia-front-za-linie-j-fronta.html>, accessed 15.05.2023 (in Russian).

- Mirkin Ya.M., Dobashina I.V., Kudinova M.M., Levchenko A.V., Bakhtarayeva K.B., Zhukova T.V., Bunatyan A.G. (2014) *Financial Strategies to Modernize the Economy: World Practice*, Moscow: Magister (in Russian).
- Mirkin Ya.M., Lebedeva K. (2018) The Phenomenon of Interconnected Dynamics in Global Finance (Russia, Brazil). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 1, pp. 155–169 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-1-155-169
- Mirkin Ya.M., Zhukova T.V., Bakhtarayeva K.B., Komova A.V. (2018) *Mechanisms to Stimulate Superfast Economic Growth: World Practice*, Moscow: Magister (in Russian).
- Plyusnin Yu.M., Zausaeva Ya.D., Zhidkevich N.N., Pozanenko A.A. (2013) *Otkhodniks*, Moscow: New Chronograph (in Russian).
- Public Service of the Chairman of the Council of Ministers, Secretary of State Pyotr Arkadyevich Stolypin* (1911). Part I, Saint Petersburg: É. Varpakhovskaya (in Russian).
- Ripinskaya P.S. (2022) *Iran. Economy under Sanctions*, Moscow: AST (in Russian).
- Sapir A. (2005) *Globalization and the Reform of European Social Models*, Brussels: Bruegel.
- Schwab K., Vanham P. (2021) *Stakeholder Capitalism: A Global Economy that Works for Progress, People and Planet*. Available at: <https://www.wiley.com/en-us/exportProduct/pdf/9781119756132>, accessed 15.05.2023.
- Schwartz S. (2006) A Theory of Cultural Value Orientations: Explication and Applications. *Comparative Sociology*, vol. 5, no 2–3, pp. 137–182. DOI: 10.1163/156913306778667357
- Smirnov S. (2012) *Dynamics of Industrial Production and the Economic Cycle in the USSR and Russia, 1861–2012*, Moscow: HSE (in Russian).
- State and Society: Goals, Priorities, Imperatives. Analytical Review (2021). *WCIOM*. Available at: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10703>, accessed 15.03.2023 (in Russian).
- Stepankov V.G., Lisov E.K. (1992) *Kremlin Conspiracy. Investigation Version*, Moscow: Spark, OGIZ (in Russian).
- Voznesensky N.A. (1948) *The Military Economy of the USSR During the Patriotic War*, Moscow: OGIZ (in Russian).
- Weizel C., Inglehart R., Klingemann H.-D. (2003) The Theory of Human Development: A Cross-cultural Analysis. *European Journal of Political Research*, vol. 42, pp. 341–379. Available at: <https://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/74505/1475-6765.00086.pdf?sequence=>, accessed 15.05.2023.